
**МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ**

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО
ТОПОНИМИЧЕСКОГО СУБСТРАТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИИ АРХАНГЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ)**

© 2009 г. Н. В. Кабинина

Статья посвящена методам этимологизации топонимов финно-угорского происхождения на территории Архангельского Поморья. В ней предлагается при интерпретации финно-угорских топонимов опираться на регулярные семантические модели русской топонимии, распространенной на той же территории. Эффективность такого подхода иллюстрируется рядом примеров.

The article discusses methods of etymologizing the Finno-Ugric toponyms on the Pomor territory in the Arkhangelsk region. To learn the meaning of the Finno-Ugric place names, we suggest using the regular semantic models of the Russian-language toponymy. The felicity of this approach is amply illustrated.

Топонимический субстрат России – одна из тех языковых областей, которые при всех успехах русской исторической ономастики пока заключают в себе немало неразгаданного. В полной мере это относится к субстратной топонимии Русского Севера – пласту географических названий, который был создан обитавшими здесь с древнейших времен финно-уграми, а далее усвоен и сохранен расселившимися на северных землях восточными славянами.

К сегодняшнему дню история изучения топонимического субстрата Русского Севера насчитывает более полутора столетий. Важнейшим итогом многолетних исследований явилась составленная А.К. Матвеевым крупномасштабная лингвоэтническая карта Русского Севера, отражающая состав и локализацию финно-угорских этнических сообществ на период, непосредственно предшествовавший их полному обрусению [1, с. 330]. Главной задачей сегодняшних и будущих исследований становится территориальная и хронологическая детализация этой карты, осуществляемая на основе углубленного этимологического изучения субстратной топонимии крупных и малых регионов Русского Севера.

Естественно, однако, что переход к этапу региональных исследований сопряжен не только с расширением круга анализируемых топонимических фактов, но и с возрастанием этимологической трудности субстратного материала. В первую очередь это обусловлено тем, что региональный субстрат представлен значительным количеством малочастотных или даже уникальных названий, по отношению к которым относительно слабы или совсем отсутствуют системные этимологические критерии, широко применяемые

при интерпретации частотных топонимических компонентов (устойчивая отнесенность к тем или иным географическим объектам, ареальные характеристики и т.п.). В этой ситуации представляется совершенно необходимым поиск и привлечение дополнительных этимологических “опор”, важнейшей из которых может служить исконно русская топонимия изучаемого региона.

С теоретических позиций эта возможность обусловлена тем, что географическая и культурная среда – при всем богатстве присущих им реалий – отражаются в топонимии с помощью относительно лаконичного и замкнутого лексико-идеографического “кода”, который в значительной своей части одинаков для самых разных языков. В зонах же длительного этнического контактирования, где наряду с другими взаимовлияниями не могли не сближаться ментальные черты и номинативные традиции народов, в смысловых компонентах разноязычных топонимов естественно ожидать еще более глубокого сходства.

С практической стороны исконно русская топонимия того или иного региона – кроме ценнейших, но, к сожалению, редко выявляемых фактов калькирования – дает исследователю субстрата еще две этимологически ценных возможности. Во-первых, на основе русской топонимии могут быть воссозданы те характерные для данного региона географические и культурные черты, которые включены в сферу “топонимического видения”, т.е. могут отражаться и в местных субстратных названиях. Во-вторых, в ряде случаев данные русской топонимии позволяют исследователю судить о специфике топонимического преломления узуальной лексической семантики – в частности, обнаружить те номинативные средства (в том

числе и сугубо “местные”), которые рационально невыводимы из других источников, например ландшафтных карт, по которым невозможно даже предположить, что ручей может называться *Щербатым*, а гора – *Весёлой*. Разумеется, нельзя полагать, что идентичные номинативные средства обязательно обнаружатся и в топонимическом субстрате, однако с учетом условий длительной языковой интерференции возможность существования подобных региональных межъязыковых соответствий должна приниматься во внимание.

К сегодняшнему дню в топонимистике уже существует методический опыт системного использования данных исконно русской топонимии в этимологизации субстратных названий. В частности, на топонимическом материале Русского Севера А.К. Матвеевым был разработан и опробован *метод семантического моделирования*, в соответствии с которым наиболее устойчивые компоненты русских топонимов организуются в виде “сетки” лексико-семантических моделей, которые далее переводятся на финно-угорские языки и проецируются на материал субстратной топонимии – в общей сложности предлагаемая А.К. Матвеевым русская семантическая основа включает 22 тематических группы и 400 “словесных” моделей, обозначенных в большинстве случаев родовыми лексемами (*берег, болото, залив, мель* и т.п.) [2, с. 98–112].

При том, что этот метод, безусловно, дал целый ряд значимых и убедительных результатов – прежде всего в области топонимических универсалий, дальнейшие возможности его применения заметно ограничены лексической и лексикографической “неэквивалентностью” русского и финно-угорских языков. По крайней мере, при включении в сферу моделирования большого и разнообразного диалектного материала достаточно трудным (а иногда и технически невозможным) в описанной процедуре становится звено межъязыкового перевода. Тем самым задача использования русских данных в этимологизации регионального субстрата связана с необходимостью модификации методики моделирования.

Как следует из сказанного, направление модификации должно в первую очередь обеспечивать возможность учета тех русских данных, для которых ограничены возможности адекватного перевода на финно-угорские языки. Наиболее уязвимой в этом отношении является диалектная географическая терминология, в целом обладающая не только значительной этноязыковой спецификой, но и семантической детализированностью, которая обусловлена своеобразием местных географических реалий. Для получения в этой сфере новых этимологических результатов представляется необходимым не столько моделирование ро-

довых понятий (эта задача, в общем, уже решена), сколько моделирование устойчивых семантических компонентов, содержащих видовую и исключительно “местную” информацию об объектах. Иначе говоря, это требует организации русских данных в виде ступенчатой лексико-идеографической классификации, ориентированной прежде всего на создание полной картины видового и регионального. При таком подходе, например, вслед за выделением общей идеограммы *берег* следует выделить соответствующие видовые идеограммы, представленные в русской топонимии данного региона (*крутой обрывистый берег, низкий пойменный берег, материковый берег* и т.п.). В этом случае система русских семантических моделей становится не только более полной, но и более этимологически “прицельной”, поскольку, как известно, в географической терминологии финно-угорских языков изначально велик удельный вес видового компонента.

Разумеется, для выявляемых подобным образом русских видовых идеограмм технические возможности перевода на финно-угорские языки не больше, чем для соответствующих диалектных лексем – таких, как *крутик, слуда, щелья* (крутой обрывистый берег) или *бережина, наволок, нарья* (низкий пойменный берег). Этимологическую значимость в данном случае получают не конкретные результаты перевода, а сам лингвистически выявленный комплекс закрепляемых в топонимии местных реалий – для каждого родового понятия это своего рода детализирующий русский топонимический “портрет”, который одновременно инициирует и аргументирует этимологические версии независимо от того, выдвигаются ли они непосредственно от формы субстратного топонима или проходят ступень процедуры перевода. Тем самым при работе с названиями, включающими географические термины, понятие *модель* в известной мере отрывается от словесной материи и начинает действовать в этимологическом процессе, с одной стороны, как часть исследовательского знания, с другой – как семантический аргумент общего порядка. Возможности регионального применения подобной методики в сфере топонимически представленной географической терминологии иллюстрируются далее на примере идеограммы *озеро*; материалом служит топонимия Архангельского Поморья – территории, прилегающей к побережью Белого моря в пределах современной Архангельской области (Приморский район, частично – Онежский, Холмогорский и Мезенский районы).

Поморский терминологический портрет такой реалии, как озеро (в Архангельском Поморье более 3000 различных по величине озер), представлен в исконно русской топонимии региона общерусским родовым термином *озеро* и несколькими диалектными лексемами, указывающими на те

или иные разновидности озер. На идеографическом уровне по этим лексическим данным¹ возможно выделить **небольшое озеро** (термины *озёрко, лужа, лыва*: *Озёрки, Большая Лужа, Маркелова Лужа, Лыва, Лывозеро, Круглая Лыва* и др.), **небольшое глубокое озеро** (термины *бочаг, ламба, ламбина*: *Бочага, Бочаги, Большая Ламба, Ламбы, Ламбина* и др.), **небольшое круглое озеро** (термины *курган / круган, яма*: *Курган, Круган, Волчья Яма, Привалихинская Яма, Чёртова Яма* и др.). Кроме того, как терминологические номинации предположительно могут рассматриваться названия *Речное Озеро* (4 топонима), что позволяет выделить вероятную идеограмму **озеро на реке**.

Предваряя этимологическую ступень анализа, эта русская идеографическая картина оказывается в дальнейшем весьма значимой, поскольку региональные финно-угорские данные сходны с ней почти во всех деталях – результаты иллюстрируются материалами этимологических статей, которые приводятся в соответствии с названными ранее идеограммами.

Озеро.

яВРА, озеро, покос (Мезенский район)

***яВРКУРКИ : яВКОРКИ**, озеро, покос (Мезенский район)

~ прасаам. **jāvrē*, саам. сев. *jaw're*, ин. *jāvri*, колт. *jāu'rr*, кильд. *ja'vr*, тер. *ja'vze* ‘озеро’ [3, с. 34–35; 1, с. 110]. Этимология дополнительно подтверждается свидетельствами местных жителей: “Кругом острова озеро идёт” (о названии *Явкорки*), “Озерко там так же, как на *Явкорках*” (о названии *Явра*).

Небольшое озеро.

яГРЫШ, покос (Приморский район)

Основу этого названия возможно связывать с субстратным термином **jagr, *jayr, *jägr, *jäyr* (~ приб.-фин. *järvi*, прасаам. **jāvrē*, мар. *jär, jer* ‘озеро’), который, по мнению А.К. Матвеева, наиболее близок к древним саамским или севернофинским данным [4, с. 288–289]. Финаль топонима (ср. известное в Белозерье озерко *Ягрыш*) связывается исследователями с диминутивным суффиксом саамского, волжско-финского или севернофинского происхождения [5, с. 115; 1, с. 22], что, в частности, хорошо подтверждается чрезвычайной популярностью соответствующего диминутива в собственно саамской топонимии: например, в материалах Г.М. Керта лексемы *jauraš, jaurös* ‘озерко’ отмечены в составе 186 топонимов [6, с. 147].

¹ Значения диалектных лексем установлены по относящимся к территории Архангельского Поморья материалам Картотеки словаря говоров Русского Севера – КСГРС (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета). Во избежание повторений они приводятся только в идеографическом обобщенном виде. Топонимические примеры здесь и далее приведены по материалам Топонимической картотеки Топонимической экспедиции УрГУ – ТК ТЭ (хранится там же).

Небольшое круглое озеро.

ПаДЕРА, урочище / **ВеРХНЯЯ ПаДЕРА** и **НиЖНЯЯ ПаДЕРА** (Холмогорский район)

~ фин. *patero* ‘небольшое круглое углубление или яма; небольшое лесное озеро’, карел. *patero, paduro* ‘небольшое углубление, яма’ [7, с. 502; 8, с. 322]. (Эту же этимологию предлагает О.А. Теуш для термина *падера*, известного в лексике некоторых регионов Русского Севера в значениях ‘трясина’, ‘река с вязким дном’, ‘низина, промытая дождевой водой’ [9, с. 104–105]). Предлагаемое сопоставление подтверждается физико-географическими данными: топонимы *Верхняя Падера* и *Нижняя Падера* относятся к небольшим прибрежным котловинам, которые во время разлива Северной Двины становятся озерами.

Озеро на реке.

ЛуМБУШКА, река, озеро на этой реке (Онежский район)

~ саам. кильд. *lūmbal*, им. *lumbol*, патс. *luobb[l]*, сонг. *lūvval*, нотоз. *лиоввал* ‘речное озеро’ [10, с. 225].

МАНОВЫ ОЗЁРА, группа озер (Мезенский район)

~ саам. тер. *тапа* ‘озеро, через которое течет река’ [10, с. 236].

Говоря об эффективности методики в целом, целесообразно охарактеризовать и более общие результаты ее применения. Так, по топонимически представленной географической терминологии Архангельского Поморья оказалось возможным выделить 52 русских “видовых” модели, характеризующих природный ландшафт этого региона – более 40 из них находят весьма точные параллели в субстратной топонимии, причем корректность этимологических сопоставлений во многих случаях подтверждается и аргументами географического характера. Особо следует отметить, что знание русских моделей оказывается существенным звеном в поиске объяснения тех субстратных названий, которые по тем или иным причинам (чаще всего в силу фонетических трансформаций) особенно трудны и пока не включались в этимологические “реестры”. В качестве примера приведем название покоса **БатЕРМАЛА** (Холмогорский район) – с учетом русской видовой идеограммы **небольшое круглое озеро**, находящей свою параллель в приведенном выше субстратном (также холмогорском) названии **ПаДЕРА**, топооснову **БатЕР** – возможно сопоставить с теми же данными, т.е. с фин. *patero* ‘небольшое круглое углубление или яма; небольшое лесное озеро’, карел. *patero, paduro* ‘небольшое углубление, яма’. В этом случае предполагается ассимилятивная переработка основы, в целом типичная при русском усвоении иноязычных топонимов, а название в целом приблизительно истолковывается как “Озерный берег”, ср. фин. *malo* ‘край, конец, сторона, бок; залив, берег’, эст. *mala* ‘песчаный берег моря’ [8, с. 144] – ср. также по-своему подтверждающий эту этимологию исторический контекст “в Матигорской волости поженка Батермола до Оногры озера” [11, с. 272]

(по данным ТК ТЭ, рядом с покосом находится еще и озеро *Батермальское*).

При том, что географическая терминология является важнейшей составляющей топонимии, в финно-угорских и русских названиях любого региона Русского Севера не менее широко представлены нетерминологические апеллятивы признакового, характеризующего типа (указывающие на размеры объекта, его цвет, форму и т.п.). В сравнении с географическими терминами характеризующие апеллятивы в этноязыковом смысле более универсальны, однако в топонимическом функционировании более индивидуальны и нередко более семантически непрозрачны. Поэтому они, как и термины, нуждаются в такой исследовательской классификации, которая наряду с возможностями межъязыкового перевода “от слова” содержит более широкий системный потенциал инициирования и семантической аргументации этимологий.

Очевидно, что и в этом случае оптимальным способом организации русских данных остается полная ступенчатая лексико-идеографическая классификация апеллятивов, построенная на региональном материале и по возможности учитывающая особенности семантики апеллятивов на топонимическом уровне. Дополнительным основанием этой классификации может являться “топонимический рейтинг”, позволяющий видеть как наиболее яркие фрагменты региональной топонимической картины, так и относительно случайные ее черты. Этимологическую значимость этой русской лексико-идеографической опоры покажем на примере идеограммы *шумный*, входящей в более широкие идеографические объединения “звуковые признаки объектов”, “физические признаки объектов”.

Прежде всего отметим, что признак *шумный* (шумящий, производящий тот или иной звук) достаточно последовательно отражается в исконно русской топонимии самых разных территорий. В то же время – по крайней мере, на Русском Севере – частотность топонимического отражения этого признака в разных субрегионах неодинакова. Архангельское Поморье – одна из тех территорий, где русских названий данного типа особенно много и где в целом они образуют далеко не периферийную топонимическую группу. В подавляющем большинстве случаев признак *шумный* характеризует небольшие речки или ручьи Поморья – многие из них впадают в Белое море, некоторые относятся к бассейнам крупных рек.

В лексическом отношении русскую идеограмму *шумный* в Поморье представляют прежде всего причастно-адъективные апеллятивы, образованные от глаголов *греметь* и *шуметь* (*Гремячий Ручей*, *Гремучий Ручей*, *Шумячий Ручей*, *Шумливый Ручей* и т.п.). В ряде случаев механизм обра-

зования топонимов более сложен, но подразумевает связь с теми же и некоторыми другими “звуковыми” глаголами: ср. названия речек и ручьев *Гремяк*, *Гремяха*, *Ревушка* (~ *реветь*), *Балагурка* (~ *балагурить*), *Роковик* (~ *рокотать*).

С опорой на эти русские данные оказывается возможным предложить и аргументировать целый ряд этимологий для поморских микрогидронимов финно-угорского происхождения. Как видно по представленным ниже этимологическим материалам, межъязыковые смысловые параллели прослеживаются при этом и на идеографическом, и на апеллятивном уровне².

ИРКИН(Ь) РучЕЙ, ручей (Мезенский район)

~ к.-зыр. *йиркны* ‘грохотать, греметь’ [12, с. 255], *йиркакывны* ‘сильно стучать, гроыхать, грохотать, греметь’ [13, с. 141]. Название в целом является, по-видимому, морфологически русифицированной отглагольной причастно-адъективной формой с *н*-овым суффиксом (см. [14, с. 189]).

МУГРИНСКИЙ РучЕЙ, ручей (Мезенский район)

~ к.-зыр. *мургыны* ‘гудеть, рокотать’, *мурган* ‘рокошущий’, *муркõдны* ‘рокошеть, грохотать’ [12, с. 435]. В этом случае предполагается метатеза **рг* – *гр*, ср. аналогичное изменение в названии соседнего ручья: *Югрин* при более раннем *Юргин*, которое сопоставимо с к.-зыр. *юргыны* ‘звенеть, звучать; греметь’, *юрган* ‘звонкий, звучный’ [12, с. 817]. Ближайшим русским аналогом является, видимо, название ручья *Роковик*, известное в этой же микроразоне.

РиМЕН(Ь)ГА, речка (Онежский район)

~ карел. *rymissä* ‘греметь, грохотать’, фин. *rymistä* ‘бушевать, баловаться, шуметь’ [15, с. 117].

СоФЬИНА, речка (Приморский район)

~ фин. *sohista*, карел. *šohissa* ‘шуметь’ [15, с. 192].

ТурТОВА, речка / **ТурДОВА** (Приморский район)

~ саам. нотоз. *tur^dte_D* ‘шуметь’ [10, с. 622]. Ср. известный на Кольском полуострове собственно саамский гидроним *Turdes* (> русск. *Шумная*) [10, с. 1023].

ТуХРУЧЕЙ, ручей (Онежский район)

~ фин. *tuhataa*, *tuhista*, карел. *tuhissa* ‘шуметь, шипеть’ [15, с. 318].

ХуМ(А)РУЧЕЙ, ручей (Онежский район)

~ фин. *humata*, *humataa*, *humista* ‘шуметь’, карел. *humata*, *humissa* ‘шуметь, греметь’, люд. *huvišta* ‘шуметь’ [16, с. 183].

В целом, как и в случае с географической терминологией, использование полной региональной классификации характеризующих русских апеллятивов в этимологизации субстрата приносит весьма ощутимые результаты: русскими данными удается “спровоцировать” и подтвердить более половины этимологических решений. При этом следует отметить, что этимологические ре-

² Приводимый далее материал представлен лишь некоторыми примерами, относящимися к различным районам Поморья – полная же картина отражения идеограммы *шумный* в субстратной топонимии региона столь широка, что может служить предметом отдельной статьи.

зультаты приносит работа не только с активными русскими идеограммами, но и с моделями, которые представлены очень малым числом названий или даже одним топонимом. В качестве примера приведем идеограмму (*широко*) *разливающийся*, которая в исконно русской топонимии Архангельского Поморья представлена единственным названием *Разливные Озёра* (Онежский район) – при этом аналогичную модель возможно усматривать в субстратном названии **АМБУРСКИЕ ОЗЁРА** (Приморский район), сопоставимом с прасаам. **āmrō*, саам. кильд. *ām^bpr^l* ‘подниматься, переливаться через край (о воде в реке, озере или горшке); пениться, плыть (о супе)’, патс. *авв^lр*, нотоз. *авр^lр* ‘подниматься, переливаться через край (о воде в реке, озере или горшке)’ [3, с. 14; 10, т. 1].

Дополнительно стоит отметить и некоторые особые возможности, возникающие в процессе этимологического поиска при участии русской лексико-идеографическую основы. Как известно, иногда субстратные названия формально и семантически “мимикрируют”, приобретая русскоязычный облик и русскую внутреннюю форму. Многие из них распознать как субстратные уже невозможно, однако в отдельных случаях о вероятной неисконности названия свидетельствует его изолированное положение в системе русских идеографических макро- и микромоделей. То, что в этой системе топоним оказывается “аномальным”, может объясняться не только эксклюзивностью модели, но и русским переосмыслением чужого имени, его ремотивацией, которая обычно опирается на ближайшие в языке значимые звуковые комплексы и поэтому дает относительно случайный результат. Примером может служить поморское название **ЛУННЫЙ РУЧЕЙ** (Мезенский район), занимающее абсолютно изолированную позицию как в региональной, так и в общерусской топонимической идеографии. Вытекающее из этого предположение о финно-угорском происхождении топонима находит свои подтверждения при его сопоставлении с коми-зырянскими данными, ср. к.-зыр. *лун* ‘день; южный’, *лунвыв* ‘южный’ [13, с. 206] (по свидетельству А.П. Афанасьева, эта основа – одна из самых частотных в микрогидронимии республики Коми [17, с. 93–94], русские гидронимы данного типа также весьма многочисленны – ср. поморские названия *Летний Ручей*, *Летняя Золотица*, *Летовка*, *Обедничный Ручей* и др. при русск. диал. *летний* ‘южный’ [КСГРС], *обедник* ‘юго-восток’ [18, с. 106]). По сути похожий, но формально несколько другой пример – изолированный в русской семантической классификации топоним **ТЕКУЩИЙ РУЧЕЙ** (Мезенский район). Ремотивация в этом случае представляется почти невероятной, однако нетипичность модели для русской топонимии

позволяет предполагать, что название *Текущий Ручей* является семантической калькой с финно-угорского прототипа. Далее это предположение находит подтверждение в том, что в ближайшем соседстве с *Текущим Ручьем* отмечен микрогидроним **ВЫРРУЧЕЙ**, основа которого сопоставима с фин. *virrata* ‘течь, струиться’, карел. *virrata* ‘бежать, течь (о воде)’ [19, с. 1789; 15, с. 460] (стоит заметить, что в субстратной топонимии Архангельского Поморья апеллятивы с этими и близкими значениями (‘сочиться’, ‘литься’, ‘журчать’) встречаются регулярно; передача приб.-фин. *vi-* русским *вы-* известна по ряду других севернорусских примеров (см. [20, с. 100])).

В заключение обратим внимание на возможности этимологического использования русских данных в тех случаях, когда топонимическая семантика того или иного апеллятива не устанавливается с достаточной определенностью или является комплексной. При описанном выше подходе подобные факты не могут быть включены в лексико-идеографическую классификацию, однако исключать их из сферы исследования, на наш взгляд, нецелесообразно. В соответствии с методикой А.К. Матвеева они могут рассматриваться отдельно как чисто “словесные” этимологические модели, что в некоторых случаях позволяет, по меньшей мере, идентифицировать тот или иной компонент субстратного названия. В качестве примера приведем русский апеллятив *железный*, который в топонимии Архангельского Поморья представлен в названиях *Железная Лыва*, *Железное Дно*, *Железное Озеро*, *Железный Наволок*, *Железный Ручей*. Кроме указания на наличие собственно железа (руды), этот апеллятив может указывать и на другие признаки объектов (твердость почвы, пленка ржавчины на поверхности воды, вкус воды, труднопроходимость местности, наличие кузницы и т.п.). В каждом конкретном случае топонимическая семантика апеллятива неясна, однако на основании русских данных с аналогичным финно-угорским апеллятивом возможно связать поморские названия **РАВДАМИНА** (Онежский район) и **РОВДОГОРЫ** (Холмогорский район), ср. фин. *rautio* ‘кузнец’, *rauta* ‘железо; железные вещи’, карел. *raud*, ливв. *raudu*, люд., вепс. *raud* ‘железо’ [7, с. 750–751; 1, с. 120], ср. также саам. *raw^lde* ‘кузнец’ [15, с. 57] – эта основа известна в собственно саамской топонимии [10, с. 1009]. Подобным образом в качестве русских “словесных” моделей могут рассматриваться апеллятивы, функционирующие в топонимии исключительно как метафоры. Межъязыковых параллелей в этой сфере оказывается сравнительно немного, но они достаточно убедительны, ср. в наших материалах русск. *крюк* (в названиях типа *Крюк*, *Крюки*) и приб.-фин. *koukku*, *kouk(k)* ‘крюк’ в названии **КОВКИ** (Онежский район) [16, с. 414; 1, с. 41], русск. *котелок* (в

названии озера *Котелок*) и саам. патс. *k̄ietn^e*, нотоз. *k̄ietn^e*, кильд., тер. *k̄itn^e*, нят. *k̄ietn^e*, pl. *kietnek* ‘котел’, отраженное в названии озера **КеМНИКИ** (Мезенский район) [10, с. 118, 1061 и др.]

В конечном итоге по отношению к региональному исследованию *семантическое моделирование* понимается нами не только как метод, предполагающий обязательную процедуру межъязыкового перевода “от слова”, но и как метод *выстраивания и системной репрезентации разнотопонимных семантических аргументов*, которые могут применяться при этимологизации регионального топонимического субстрата независимо от формы этимологического поиска. Русскими *моделями* при таком понимании служат семантически целостные единицы разных уровней: а) родовые и видовые идеограммы, б) апеллятивно-идеографические группы, в) апеллятивы. Сама классификация, построенная по описанным выше принципам, также может пониматься как модель наиболее высокого порядка.

Разумеется, предлагаемая методика наряду с показанными выше преимуществами не лишена своих ограничений. В частности, при ее использовании достаточно опасна абсолютизация роли русских данных, сопровождающаяся недооценкой референтного и номинативного своеобразия субстратной финно-угорской топонимии, в особенности древнейшей. Это означает, что этимологические результаты, полученные с помощью семантического моделирования, во всех возможных случаях должны верифицироваться также со стороны семантической типологии финно-угорских топонимов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

вепс.	вепсский язык
им.	диалект Имандра саамского языка
ин.	диалект Инари саамского языка
карел.	карельский язык
к.-зыр.	коми-зырянский язык
кильд.	кильдинский диалект саамского языка
колт.	диалекты колтта саамского языка
ливв.	ливвиковский диалект карельского языка
люд.	людиковский диалект карельского языка
мар.	марийский язык
нотоз.	нотозерский диалект саамского языка
нят.	диалект Нятымо саамского языка
патс.	диалект Патсойки саамского языка
прасаам.	прасаамский язык
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
русс.	русский язык
саам.	саамский язык

саам. сев.	северносаамские диалекты саамского языка
сонг.	сонгельский диалект саамского языка
тер.	терский диалект саамского языка
фин.	финский язык
эст.	эстонский язык
диал.	диалектный
pl.	множественное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. II. Екатеринбург, 2004.
2. Матвеев А.К. Ономатология. М., 2006.
3. Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989.
4. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. I. Екатеринбург, 2001.
5. Попов А.И. Географические названия (введение в топонимику). М.; Л., 1965.
6. Керн Г.М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии. Петрозаводск, 2002.
7. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa III. Helsinki, 1976.
8. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. T. 2. Helsinki, 1995.
9. Тейш О.А. Этимологизация финно-угорских заимствований в русском языке и семантический анализ // Вопросы языкознания. 2003. № 1.
10. Itkonen T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I–II // LSFU XV. Helsinki, 1958.
11. Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Л., 1929.
12. Коми-русский словарь / Под ред. проф. В.И. Лыткина. М., 1961.
13. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
14. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
15. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. T. 3. Helsinki, 2000.
16. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. T. 1. Helsinki, 1992.
17. Афанасьев А.П. Топонимия республики Коми. Сыктывкар, 1996.
18. Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
19. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa VI. Helsinki, 1978.
20. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / Под ред. проф. А.К. Матвеева. Вып. 1. Екатеринбург, 2004.